

ГЕНЕЗИС ПРАЖСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ИСТОРИОГРАФИИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

*Александр Литвинский
Барановичи, Беларусь*

В данной статье рассматривается проблема происхождения Пражской археологической культуры в научных исследованиях конца XX — начала XXI века. Анализируются различные научные позиции по этому вопросу. Показано значение данных исследований для определения территории славянской прародины.

Ключевые слова: Пражская археологическая культура, происхождение славян, прародина, научные концепции.

Пражская археологическая культура обязана своим открытием, прежде всего, чехословацкому археологу И. Борковскому, который, как отмечает В. С. Вергей, объединил памятники, датируемые третьей четвертью I тысячелетия н. э., «в отдельную культурно-хронологическую группу и ввел в научный оборот под названием “керамика пражского типа”» [1, с. 317–318] (здесь и далее по тексту наш перевод с белорусского языка на русский – А. Л.).

Первоначально данная группа памятников была локализована на территории Центральной Европы. Постепенно выяснялось, что она охватывала значительно более широкое пространство, занимая, наряду с центральноевропейскими, значительные территории Восточной Европы [2, с. 43]. По мере накопления эмпирического материала изменялось и уточнялось название археологической культуры. Довольно популярным в археологических кругах стал термин «Пражско-Корчакская культура», введенный для того, чтобы отличать западный вариант данной общности археологических памятников от восточного, представленного памятниками Пеньковской культуры. Однако, поскольку была доказана самостоятельность последней, нет смысла отказываться от названия «Пражская культура» (в таком случае термин «Пражско-Корчакская культура» представляется избыточным). Более подробно и убедительно аргументировал желательность употребления словосочетания «Пражская культура» И. О. Гавритухин [3, с. 7–8], и с этой аргументацией мы вполне согласны.

Довольно скоро выяснилось огромное значение рассматриваемого комплекса археологических памятников для исследования славянского этногенеза. Как отмечает М. Б. Щукин, Пражская культура (по его мнению, наряду с Пеньковской и Колочинской) – «тот отправной пункт, от которого можно начинать дальнейшие ретроспективные поиски, та “славянская печка”, от которой можно “плясать дальше”» [4]. Иными словами, он, как и подавляющее большинство специалистов, не сомневается в славянской принадлежности данной археологической культуры. Высказанная недавно американским исследователем Ф. Куртой альтернативная точка зрения, согласно которой не представляется возможности установить прямую преемственность между населением «Праги» и историческими славянами [5] не получила признания у солидных ученых.

Главный аргумент в пользу понимания Пражской культуры в качестве предковой для славян, заключается в том, что в данном случае полученная путем археологических раскопок информация вполне коррелирует с информацией письменных источников, прежде всего, со сведениями о славянах-склавианах Иордана и Прокопия Кесарийского [6, с. 106, 107, 108, 109, 182, 183, 184, 185].

Таким образом, славянскую принадлежность Пражской культуры можно считать достаточно твердо установленной (в этом смысле насчет Пеньковской и особенно Колочинской культуры у исследователей возникает больше сомнений). Ну а если это так, то закономерно возникает вопрос о корнях самой археологической «Праги». По данному вопросу учеными высказываются различные мнения. Актуальность научной проблемы не иссякает, о чём свидетельствует оживленная дискуссия, развернувшаяся в конце XX – начале XXI в. В нашей статье рассматриваются основные позиции ученых по данной проблеме. При этом нами не ставится цель произвести всеобъемлющий анализ историографии указанного периода и дать оценку взглядам каждого крупного специалиста в данной области. Представляется достаточным выяснить и кратко охарактеризовать мнения ученых по вопросу о генезисе Пражской культуры, имеющие наибольшее хождение в научном мире.

Мысль о главенствующей роли Пшеворской культуры в сложении пражского комплекса археологических памятников последовательно отстаивала в свое время И. П. Русанова [7]. В. В. Седов, критикуя И. П. Русанову, отмечал: «Однако основная предпосылка исследовательницы, что культура славян в начале Средневековья была единой и ее характеризуют

исключительно пражско-корчакские древности была явно ошибочной» [8, с. 296]. Впрочем, сам В. В. Седов вовсе не отвергал значение «Пшево-ра» в генезисе Пражской культуры. Напротив, он склонялся к тому, чтобы именно в Пшеворской культуре, наряду с Черняховской, усматривать истоки археологической «Праги». По мнению маститого историка и археолога, «Пражско-корчакская культура складывалась на территории, прежде занятой провинциальноримскими культурами», а точнее говоря, между верхним течением Одера и Верхним Поднестрием включительно [8, с. 307].

Предупреждая возражения оппонентов, указывающих на значительную разницу в уровнях более выразительных Пшеворской и Черняховской культур, с одной стороны, и более простой Пражской, с другой, В. В. Седов объяснял непритязательность «Праги» катастрофическими последствиями гуннского нашествия [8, с. 199–203, 310–311, 324]. Забегая вперед, отметим, что далеко не всеми специалистами такое объяснение было принято.

Если В. В. Седов искал истоки Пражской культуры на западе ареала ее позднейшего распространения, то другие исследователи выводили ее с территории бытования Киевской культуры – на востоке и северо-востоке от данного ареала. Оспаривая аргумент В. В. Седова о гуннском погроме как причине упадка праславянских культур, уже упомянутый М. Б. Щукин резонно, на наш взгляд, утверждал: «Если бы большая часть черняховского и пшеворского населения продолжала жить на своих прежних местах, трудно себе представить, чтобы даже в условиях жесточайшего кризиса оно полностью утратило все свои навыки и традиции» [4]. Иными словами, гуннское нашествие могло, конечно же, привести к огрублению и примитивизации культуры, но вряд ли изменило бы ее структуру. При этом М. Б. Щукин приводит так называемый «мисочный» аргумент, согласно которому кухонная утварь «пражан» и «пеньковцев» не включала в себя, за очень редким исключением, глиняных мисок. Значит, их почти не было и в предковой культуре, а ведь Пшеворская культура, как и Черняховская, характеризуется обилием мисок [4]. Стало быть, «пшеворцы» и «черняховцы» не были непосредственными предками «пражан», поскольку невозможно себе представить, чтобы население вдруг забыло, как лепить миски.

Собственно говоря, обоснование М. Б. Щукиным выводимости Пражской культуры из Киевской, базируется на постулате о примерно одина-

ковом уровне этих культур. При этом технические характеристики артефактов могут отличаться, как отличается, например, по внешнему виду киевская керамика от пражской, зато структура культуры в обоих случаях обнаруживает явные признаки схожести. А это, по мнению М. Б. Щукина, свидетельствует о генетической преемственности «Киева» и «Праги».

В свою очередь, В. В. Седов, отрицая праславянский характер Киевской культуры и ее роль в сложении Пражской, обращал внимание на то, что в Верхнем и частично в Среднем Поднепровье, на территории, где образовалась Киевская культура, доминирует балтская топонимика, а значит, праславян там быть не могло [8, с. 69–79, 140–141]. Но, во-первых, можно возразить, что на территории Центральной и Восточной Европы вообще-то нет областей с очевидным и безусловным доминированием славянской топонимики, и если исходить из этого, то выходит, что славяне действительно появились из ниоткуда. Во-вторых, следует принять во внимание, что хронология формирования славянского языка, и относительная, и уж тем более абсолютная — предмет нескончаемых споров лингвистов, и поэтому трудно себе представить, как выглядел гипотетический праславянский язык во времена существования Киевской культуры. Вполне возможно, что степень схожести его с каким-либо балтским диалектом была весьма высока. В этой связи следует упомянуть об одном из вариантов разрешения пресловутой «балто-славянской» проблемы, согласно которой балтский язык является предком славянского [9].

Такой взгляд на соотношение балтского и славянского языка был принят М. Б. Щукиным, который утверждал: «В результате возникшего круговорота событий и начались, возможно, процессы перераспределения изоглоссных областей в балто-славянском континууме диалектов, приведшие к выделению тех из них, которым через некоторое время предстояло стать славянскими. Существенную роль при этом могли сыграть потомки бастарнов, носителей неизвестного нам, несохранившегося языка, сходного, быть может, в равной степени и с кельтскими, и с германскими, принесшим в балто-славянскую среду тот кентумный элемент, который отличает балтские языки от славянских. <...> Волей случая балто-славянский континуум в целом получил от соседних народов имя венетов. Зачатки же собственного славянского самосознания могли зародиться, скорее всего, в рамках того социального единства, которое нашло свое археологическое выражение в виде киевской культуры» [4].

Фактически солидарен с ним в данном вопросе С. Е. Рассадин. Выводя Киевскую культуру из Юхновской (и признавая при этом влияние постзарубинецкого элемента), исследователь констатирует: «В результате складывается одна из многочисленных также и в эпоху поздней античности группировок дуального происхождения. Итак, десятки городищ по Сожу, Беседи, Ипути демонстрируют, как на протяжении I–II вв. н. э. в брянских и чечерских лесах видоизменялась исходная зарубинецкая традиция, по своему происхождению неместная, западная, европейская. С другой стороны без боязни ошибиться можно предполагать, что их смешанное население должно было владеть одним из древних днепровско-балтских диалектов – именно тем, каким пользовались “юхновцы” [10, с 271–272].

Правда, необходимо заметить, что в близких между собой позициях М. Б. Щукина и С. Е. Рассадина есть, на наш взгляд, слабое звено: они оба недостаточно убедительно объясняют механизм преобразования Киевской культуры в Пражскую. С. Е. Рассадин вообще ограничивается при этом краткой сентенцией, просто отмечая факт данного преобразования, притом же ссылаясь на мнение М. Б. Щукина и Р. В. Терпиловского [10, с 283–284].

М. Б. Щукин уповает на то, что на территории Днепровского Правобережья будут найдены памятники, переходные от киевских к пражским [4]. Примерно такую же позицию занимает и Р. В. Терпиловский. Согласно его мнению, Пражская культура «складывается, вероятно, на основе родственных киевским памятников, находящихся в бассейне Припяти и Тетерева» [11, с. 95]. Однако вряд ли в данном случае следует выводить известное (Пражскую культуру) из неизвестного (из гипотетического правобережного варианта Киевской культуры).

Объяснить данное преобразование попытался А. Г. Фурасев. Как он считает, «несмотря на то, что в IV веке еще существует классическая киевская культура, никто из исследователей, даже признавая возможность генетической связи раннепражских памятников с киевскими, не рассматривает первые, как один из локальных вариантов киевской культурно-исторической общности» [12]. При этом Пражская культура, на взгляд исследователя, выглядит слишком просто на стадии своего становления по сравнению с «позднекиевскими памятниками». Как утверждает автор, не представляется возможным найти какое-то переходное звено между «киевскими» и «пражскими» памятниками, поэтому «искать здесь следует не локальную группу памятников, а ту ситуацию, которая могла привести к

формированию нового типа древностей» [12]. И хотя мысль ученого, по нашему мнению, не очень явственно выражена, всё же можно понять, что главной причиной образования Пражской культуры он считает внешнее давление, вынудившее часть населения Киевской культуры, особенно ее верхнеднепровского варианта (тип Абидни) искать убежище в дебрях Полесья, а уже оттуда начать свое расселение.

Среди ученых были и есть сторонники концепции северного происхождения Пражской культуры. Основу для подобного рода взглядов заложил в свое время И. Вернер [13]. В последней четверти XX в. и на рубеже веков данную позицию наиболее последовательно отстаивал Д. А. Мачинский. Истоки Пражской культуры он видел в культуре поздней штрихованной керамики (КПШК) [14, с. 473]. Формирование Пражской культуры происходило, на его взгляд, по мере продвижения населения культуры штрихованной керамики на юг, на Полесье, на территорию Зарубинецкой культуры, погибшей в середине — третьей четверти I в. н. э., но оставившей ощутимые следы [14, с. 473–475]. Культурные традиции зарубинецкого населения в какой-то степени были усвоены пришельцами с севера. В результате этого симбиоза и оформился славянский праэтнос. Как считал исследователь, сам этноним «славяне» также происходит с территории, занятой представителями культуры штрихованной керамики [14, с. 475].

Д. А. Мачинский в ходе своих изысканий неоднократно ссыался на мнение А. А. Егорейченко — крупнейшего современного исследователя культур штрихованной керамики. Но парадокс в том, что А. А. Егорейченко занимает иную позицию по вопросу о роли населения, оставившего после себя штрихованную керамику, в славянском этногенезе. Во-первых, (и это главное) он, прямо полемизируя с Д. А. Мачинским, утверждает: «Стоит подчеркнуть, что между подавляющим большинством памятников КПШК и Пражской культуры существует хронологический разрыв, который составляет не менее 100 лет. Никакого продвижения на юго-запад, в направлении Прикарпатья, как предполагает Д. А. Мачинский, по археологическим данным не прослеживается» [15, с. 116]. Во-вторых, археолог вообще сомневается в возможности надежной этнической атрибуции населения лесной зоны Восточной Европы, жившего здесь в железном веке. «Сведения о племенах лесной зоны Восточной Европы крайне скудны. Нередко они обрастали фантастическими подробностями, что нашло свое отражение в трудах античных авторов. В силу этого соотнесение их данных с конкретными археологическими культурами при современном

уровне развития знаний весьма проблематично», – замечает ученый [15, с. 117].

Более гибкую позицию, по сравнению со взглядами Д. А. Мачинского, занимает Г. С. Лебедев. В его гипотезе учтена сложность и неоднозначность этногенетических процессов, происходивших в первой половине I тыс. на территории лесной зоны Восточной Европы. В интересующем нас контексте он отметил: «Памятники “киевского типа” в Среднем Поднепровье типа Абидня в Белоруссии, типа Почепского селища в Подесенье, распространившиеся во II – IV вв. н. э. во многом близки продолжавшим развиваться культурам штрихованной керамики в Белоруссии или днепро-двинской (тушемлинской) на Смоленщине» [16, с. 108]. Население, оставившее «памятники “киевского типа”» он определяет как «венедов», считая их праславянами, непосредственными предками славян [16, с. 114].

Подводя итоги рассмотрению темы статьи, следует отметить факт неустанный научного поиска корней славянских народов, в целом успешно ведущегося историками и археологами. Как известно, археология имеет некоторое преимущество перед смежными научными дисциплинами в том смысле, что база источников из года в год неуклонно пополняется и расширяется. Это создает возможность разработки новых концепций, а также пересмотра и уточнения предыдущих концепций.

В данном смысле не является исключением история изучения Пражской археологической культуры. С течением времени становится понятным, что ее генезис представлял собой сложный и неоднозначный процесс. Скорее всего, ни одна из ныне существующих концепций происхождения данной культуры не может полностью описать и объяснить этот процесс. На наш взгляд, наиболее предпочтительной является концепция, согласно которой истоки Пражской культуры следует искать в недрах Киевской культурно-исторической общности. Однако рискованно было бы настаивать на исключительной правильности этого взгляда, поскольку новые комплексные исследования могут внести весьма существенные коррективы в наши представления о генезисе Пражской археологической культуры и, соответственно, о происхождении славян.

1. Вяргей, В. С. Помнікі тыпу Прагі-Карчак і Лукі-Райкавецкай / В. С. Вяргей // Археалогія Беларусі: У 4 т. Т. 2. Жалезны век і раннія сярэднявечча / А. А. Егарэйчанка, В. І. Шадыра, В. С. Вяргей і інш.; Пад. рэд. В. І. Шадыры, В. С. Вяргей. – Мн.: «Беларуская навука», 1999. – 502 с.: іл.

2. Вялікі гістарычны атлас Беларусі: У 3-х тамах. Том 1. Пад рэд. В. Л. Насевіча. – Мінск:

“Белкартаграфия”, 2009. – 246 с.

3. Гавритухин, И. О. Понятие Пражской культуры / И. О. Гавритухин // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Труды ГЭ. – Вып. XLIX. – СПб. – 2009. – С. 7–25.

4. Шукин, М. Рождение славян. Из истории вопроса. Два пути ретроспективного поиска. / М. Шукин // Стратум. Структуры и катастрофы [Электронный ресурс]. – 1997. – Режим доступа : http://krotov.info/lib_sec/25_sch/uk/in_1997.htm – Дата доступа : 22.07.2012.

5. Curta, F. The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700. (Cambridge Studies in Medieval Life and Thought, Fourth Series) / F. Curta. – Cambridge; New York : Cambridge University Press, 2001. – 466 p.

6. Свод древнейших письменных известий о славянах. Том I (I–VI вв.). Изд., 2-е, испр. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. – 472 с.: карты.

7. Русанова, И. П. Славянские древности VI–VII вв. / И. П. Русанова – М.: Издательство «Наука», 1976. – 241 с.

8. Седов, В. В. Славяне: историко-археологическое исследование / В. В. Седов. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 624 с.: ил.

9. Иванов, В. В., Топоров, В. Н. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков / В. В. Иванов, В. Н. Топоров. – М.: Издательство АН СССР, 1958. – 41 с.

10. Рассадин, С. Е. Первые славяне. Славяногенез / С. Е. Рассадин. — Минск : Белорусский экзархат, 2008. – 288 с.

11. Терпиловский, Р. В. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н.э. / Р. В. Терпиловский. – Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2004. – 232 s.

12. Фурасьев, А. Г. О роли миграций в этногенезе ранних славян // Истоки древнерусской государственности. [Электронный ресурс]. СПб. – 2009. – Режим доступа : <http://www.archaeology.ru/p5/t1800/index.html> . – Дата доступа : 14.04.2014.

13. Вернер, И. К происхождению и распространению антов и склавенов / И. Вернер // СА. – 1972. – № 4. – С. 102–114.

14. Мачинский, Д. А. Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения Русского государства в середине VIII — середине XI в. / Д. А. Мачинский // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Труды ГЭ. – Вып. XLIX. – СПб. – 2009. – С. 460–538.

15. Егорейченко, А. А. Культуры штрихованной керамики / А. А. Егорейченко. – Минск : БГУ, 2006. – 207 с. : ил.

16. Лебедев, Г. С. Археолого-лингвистическая гипотеза славянского этногенеза / Г. С. Лебедев // Славяне. Этногенез и этническая история (междисциплинарные исследования) : межвузовский сб. науч. статей / науч. ред. А. С. Герд, Г. С. Лебедев. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1989. – С. 105–115.